

Но пылкій, но суровый нравъ
 Меня грызеть отъ колыбели...
 И въ жизни зло лишь испытай,
 Умру я, сердцемъ не познавъ
 Печальныхъ думъ, печальной цѣли.

Н о ч ь I.

Ласкаемый цвѣтущими мечтами,
 Я тихо спалъ—и вдругъ я пробудился:
 Но пробужденіе тоже было сонъ.
 И думая, что цѣль обманчивыхъ
 Видѣній мной разрушена, я вдвое
 Обманутъ былъ воображеніемъ—если
 Одно воображеніе *творить*
 Тотъ новый міръ, который заставляетъ
 Насъ презирать безчувственную землю.
 Казалось мнѣ, что смерть дыханіемъ хлад-
 Ужъ начинала кровь мою студить; [нымъ
 Не часто сердце билось, но крѣпко,
 Съ болѣзненнымъ какимъ то содроганіемъ.
 И тѣло, видя свой конецъ, старалось
 Вновь удержатъ души нетерпѣливой
 Порывы; но товарищу былому
 Съ досадою душа внимала, и укоры
 Ихъ разставанье сдѣлала печальнымъ.
 Между двухъ жизней, въ страшномъ проме-
 Надеждъ и сожалѣній, ни объ той, [жутѣ
 Ни объ другой не мыслилъ я. Одно
 Сомнѣнье волновало грудь мою,
 Последнее сомнѣнье! Я не могъ
 Понять, какъ можно чувствовать блаженство
 Иль горькія страданія далека
 Отъ той земли, гдѣ въ первый разъ я понималъ,
 Что я живу, что жизнь моя безбрежна,
 Гдѣ жадно я искалъ самопознанья,
 Гдѣ столько я любилъ и терялъ.—
 Любилъ согласно съ этимъ бrenнымъ тѣломъ,
 Безъ коего любви не понималъ я.
 Такъ думалъ я... И вдругъ душой забываясь
 И чрезъ мгновеніе снова жилъ я,
 Но не видалъ вокругъ себя предметовъ
 Земныхъ и болѣе не помнилъ я
 Ни боли, ни тяжелыхъ безпокойствъ
 О будущей судьбѣ моей и смерти.
 Все было мнѣ такъ ясно и понятно
 И ни о чемъ себя не вопрошалъ я,
 Какъ будто бы вернулся я туда,
 Гдѣ долго жилъ, гдѣ все извѣстно мнѣ;
 И лишь едва чувствительная тягость
 Въ моемъ полетѣ мнѣ напоминала
 Мое земное, краткое изгнанье.
 Вдругъ предо мной въ пространствѣ беско-
 нечномъ
 Съ великимъ шумомъ развернулася книга
 Подъ неизвѣстною рукой... И много
 Написано въ ней было... Но лишь мой
 Ужасный жребій ясно для меня.

Начертанъ былъ кровавыми словами:
 «Безплотный духъ, иди и возвратись
 На землю!».. Вдругъ предо мной исчезла
 И опустѣло небо голубое. [книга.
 Ни ангелъ, ни печальный демонъ ада
 Не разсѣкалъ крыломъ полей воздушныхъ:
 Лишь тусклыми планеты, пробѣгая,
 Едва кидали искру на пути.
 Я вздрогнулъ, прочитавъ свой жребій:
 Какъ, мнѣ летѣть опять на эту землю,
 Чтобъ увидать ряды тѣхъ золь, которымъ
 Причиной были дѣтскія ошибки?
 Увижу я страданія людей,
 И тайныхъ мукъ ничтожныя причины,
 И къ счастью людей увижу средства,
 И невозможно будетъ научить ихъ.
 Но такъ и быть, лечу на землю. Первый
 Предметъ—могила съ пыннымъ мавзолеемъ,
 Подъ коимъ трупъ мой люди схоронили.
 И захотѣлось мнѣ въ гробъ проникнуть,
 И я сошелъ въ темницу—длинный гробъ,
 Гдѣ гнилъ мой трупъ, и тамъ остался я.
 Здѣсь кость была уже видна, здѣсь мясо
 Кусками синее висѣло, жилы тамъ
 Я примѣчалъ съ засохшею въ нихъ кровью.
 Съ отчаяніемъ сидѣлъ я и взиралъ,
 Какъ быстро насѣкомыя роились
 И съ жадностью глодали пищу смерти.
 Червякъ то выползалъ изъ впадинъ глазъ,
 То вновь скрывался въ безобразный черепъ;
 И что же? каждое его движеніе
 Меня терзало судорожной болью.
 Я долженъ былъ смотрѣть на гибель друга,
 Такъ долго жившаго съ моей душою,
 Последняго, единственнаго друга,
 Дѣлвшаго ея печаль и радость,—
 И я помочь желалъ, но тщетно, тщетно!
 Уничтоженія быстрые слѣды
 Текли по немъ, и черви умножались
 И спорили за пищу остальную,
 И смрадную сырую кожу грызли...
 Остались кости—и они исчезли.
 И прахъ одинъ лежалъ на мѣстѣ тѣла.
 Одной исполненъ мрачною надеждою,
 Я припадалъ на бrenные останки,
 Стараясь ихъ дыханіемъ согрѣть
 Иль оживить моей безсмертной жизнью.
 О! сколько-бъ отдалъ я тогда земныхъ
 Блаженствъ, чтобъ хоть одну, одну минуту
 Почувствовать въ нихъ теплоту!.. Напрасно!
 Закону лишь послушные, они
 Остались холодны, холодны, какъ презрѣнны.
 Тогда изречь я дикія проклятья
 На моего отца и мать—на всѣхъ людей.
 Съ отчаяніемъ безсмертья долго, долго,
 Жестокаго свидѣтель разрушенія,
 Я на Творца ропталъ, страхался молиться,
 И я хотѣлъ изречь хулы на небо,
 Хотѣлъ сказать
 Но замеръ голосъ мой, и—я *проснулся!*..